

Целый день по магазинам и рынкам по жаре. Тяжело, но, слава богу, всё успели – и музеи посмотреть и сделать покупки. И вот, наконец, автобус привёз их в аэропорт. Вылет в двенадцать ночи, два часа впереди, есть время отдышаться в ожидании чартера до Симферополя.

А в самолёте можно будет немного поспать. Отдохнуть чуток в эту ночь, потому что в Симферополе уже точно не поспишь, там на таможне всегда очереди. Но ничего, не страшно, пока туда-сюда сумки подвигаешь, глядишь, и утро подоспеет. А утром на поезд и – здравствуй, дом родной. Домой уже очень хотелось.

А ещё очень хотелось есть и пить.

Надо бы что-нибудь купить. Всё-таки ночь впереди, и неизвестно, будет ли работать буфет в симферопольском аэропорту. Здесь-то всегда всё работает, круглые сутки. Таня огляделась и увидела в конце зала несколько столиков и стойку, у которой змеилась небольшая очередь.

– Пойдем, что ли, кофе выпьем? – обернулась к подруге.

– Очумела? Знаешь, какие здесь цены! – Зина покачала головой. – Ну уж нет, я водичкой перебьюсь. Да у меня и денег уже нет.

Таня заглянула в свой кошелёк.

– Идём, я угощаю. У меня мелочь осталась, как раз на пару чашек.

– Ладно, – согласилась Зина. – Иди, очередь занимай, я подойду. Попрошу кого-нибудь за вещами присмотреть. Руки обрвёшь переть всё с собой.

Она со вздохом оглядела сумку с кожаным пальто внутри. Надо было таки и её в багаж сдать. Пожалела. Мало ли что, а вдруг пропадёт? В этих аэропортах чего только не случается. Ну, да что теперь говорить, придётся тащить в салон.

Таня, тем временем, уже стояла у стойки и высматривала, с чем выпить кофе. Жаль, булочек здесь не водится. Она их любила. Здесь только чипсы, орехи, печенье, ещё, вот, пирожные. Размером с юбилейную монету, а стоят как целый торт. Таня просчитала в уме стоимость двух чашек капучино и двух пирожных, потом ещё раз заглянула в кошелёк. Ладно, томить себя голодом дороже обойдётся. Еще язву заработаешь.

Сидеть за столом было приятно. После первых глотков Таня ощутила, как усталость, смыкавшая ей веки, начала отступать.

– Хороший здесь кофе, – сказала она.

– Хороший, – зевнув, кивнула Зина. – Только порции уж больно маленькие. Я бы три таких выпила.

Таня протянула ей кошелёк.

– На три не хватит, но ещё одну можешь взять. Всё равно все их деньги надо здесь потратить.

– Ладно, разделим кофе пополам, – поднялась Зина.

Сделав последний глоток, Таня откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Сразу же перед мысленным взором возникло лицо Дениски. «Мама, а ты скоро приедешь?» «Скоро, маленький, скоро. Только туда и обратно». «А что ты мне привезёшь?» «А что бы ты хотел?» «Я не знаю. Выбери сама, чтобы был сюрприз». Он лишь недавно узнал это слово «сюрприз». Еду, маленький, еду. И сюрприз тебе везу...

Тихо звякнула ложечка, и Таня открыла глаза. На Зинином месте сидела незнакомая девушка и, глядя в чашку, помешивала кофе. Таня оглянулась – Зина всё ещё стояла в очереди. А перед нею... Таня заморгала глазами – не чудится ли ей это? В очереди перед Зиной стояло человек шесть совершенно одинаковых девушек! Издалека их можно было бы даже принять за близнецов, настолько они были похожи. Одинаково высокие, и фигуры у всех как по одному лекалу скроены. Все в коротких, туго облегающих чёрных платьях, позволявших видеть стройные загорелые ноги. Туфли на высоченных каблуках. У всех – длинные платиновые волосы.

Таня перевела взгляд на ту, что сидела за её столом. Голубоглазая блондинка с такими же, как у стоящих в очереди девушек, длинными волосами и безупречно правильными чертами лица, продолжала помешивать горячий кофе. Таня обратила внимание на её тонкие ухоженные кисти рук, длинные пальцы с безупречным маникюром, и осторожно опустила свои руки на колени. Какой уж тут маникюр при её работе,

да и маленький ребёнок не даёт отрастить ногти. Ещё оцарапаешь ненароком.

Подошла Зина с чашкой кофе и негодующе уставилась на занявшую её место блондинку. К счастью, позади Тани за соседним столиком освободился стул, и Зина тут же быстренько на него опустилась. Стоит зазеваться, останешься стоять – желающих посидеть в кафе предостаточно.

– Давай чашку, – обернулась она к Тане.

– Пей, я больше не хочу.

Кофе и в самом деле не хотелось. Она украдкой рассматривала соседку, поражаясь её красоте. Впрочем, её подруги, занявшие освободившийся неподалеку столик, были не хуже. Все как на подбор. Они и были на подбор, – кто-то очень тщательно отобрал их из множества девушек. И куда они, такие вот, наманикюренные и покрашенные, едут? Ночные бабочки, – или как их там? – а с виду прямо леди, с неприязнью подумала Таня. А может быть, это манекенщицы? В них чувствовалась выучка. С необычно прямыми спинами, беззвучно и красиво подносили к губам чашки, скользя по толпе невидящим взглядом. Просто сидели и пили кофе. С ними не было никакого багажа, только маленькие вечерние сумочки, вмещавшие в лучшем случае пудреницу и помаду.

Таинственные, молчаливые – похоже, они даже между собой не переговаривались, – просто какие-то современные блоковские незнакомки, внезапно явившие свою красоту в странном месте в странный час.

Сидели среди людей, среди толпы, но не сливались с нею. Словно прозрачная невидимая стена отделяла их от остальных пассажиров. Возможно, позволявшая смотреть и видеть только с одной стороны, – видеть их, поскольку они, похоже, никого не видели. Или не хотели видеть. Они были как яркая цветная голограмма на фоне блёклой толпы помятых египетской жарой туристов.

Внезапно, словно по команде, все блондинки вдруг повернули головы в одну сторону. Таня тоже посмотрела туда. Тщедушный человек с вывернутыми наружу губами сделал повелительное движение рукой, указывая на выход. Незнакомка, сидевшая за Таниным столом, оставила чашку. Но прежде, чем встать и последовать за другими, она быстрым и осторожным движением подвинула в сторону Тани белую бумажную салфетку.

Стеклянные двери распахнулись, и так же внезапно, как и появились, девушки исчезли. Как будто их и не было. Повинуясь

властному движению руки, как по мановению волшебной палочки, растаяли, сгнули в чернильной темноте египетской ночи.

Может быть, их и в самом деле не было? Может быть, примерещились от усталости? Таня зажмурилась и помотала головой. Машинально приподняла салфетку. Под нею оказался сложенный вчетверо лист бумаги. Сверху был написан номер телефона. Код города ничего ей не сказал.

Таня развернула лист. «Милая мама! Пользуясь случаем, посылаю тебе письмо. Никому не верь, а особенно сбежавшей отсюда дурочке Даше, если, конечно, ей удалось вернуться домой. У меня всё хорошо, только я очень скучаю по дому...».

ШАЛОПУТ

Рассказ

Сев в аэропорту на ялтинский автобус, Нина Алексеевна мысленно похвалила себя за то, что полетела самолётом. Пришлось очень рано встать, зато была она в Симферополе тем же утром, и не прошло и часа после приземления, как уже катила в сторону Южного берега. Автобус шёл по незнакомой ей объездной дороге, и она с любопытством разглядывала мелькающие за окном новостройки пригорода, новые центры автосервисов, заправки, неуклюжие супермаркеты и какие-то склады. Но вот урбанистический ландшафт отступил, и взгляду открылся глубокий простор предгорий и прямоугольник Чатырдага, голубеющий в утренней дымке под высоким небом с редкими белыми облаками. Какая красота! Панорама через минуту-другую исчезла, но настроение осталось, и когда автобус продолжил свой путь по долине, живописные окрестности продолжали радовать глаз.

Она специально ехала в Ялту за день до конференции. Прежде чем окунуться в суету делового общения, ей хотелось погулять по городу, в котором не была больше двадцати лет. Всё как-то не складывалось. Зато когда на горизонте возникла эта конференция, Нина Алексеевна сразу же её застолбила, никому не отдала, хотя командировок не любила.

Помимо прогулки сегодня её ждала ещё встреча с Софьей, которую она тоже не видела почти четверть века. Не видела и не вспоминала, пока в прошлом году та неожиданно не отыскала её на сайте «Одноклассники». Они немного попереписывались, а когда первое любопытство было удовлетворено, интернет-общение, как часто бывает, угасло. Однако о том, что в начале

июня будет в Ялте, Нина Алексеевна всё-таки написала, в ответ получила приглашение на ужин. Хотелось, конечно, посмотреть и на Софу, и на то, как она живёт, но вечером надо было дописать доклад да и выспаться не мешало. В предыдущую ночь, перед поездкой, спалось плохо. Сошлись на том, что увидятся днём, в кафе на набережной.

К двенадцати часам Нина Алексеевна уже была в гостинице. Вселившись, умылась, переоделась в светлый льняной костюм и спустилась вниз. Не терпелось поскорее оказаться на знакомых – или уже незнакомых? – улицах. Погода была под стать её радостному возбуждению, жаркие лучи полуденного солнца охлаждал лёгкий морской бриз. И ноги сами понесли её к набережной. К морю. К тому самому синему морю, к которому она когда-то вот так же, приехав после школы поступать в Ялтинское педучилище, побежала первым делом. С пятого класса, наверное, она мечтала увидеть море. А ещё лучше было бы жить около него.

С Софьей они познакомилась на вступительных экзаменах. Стоя у дверей зала, где абитуриентов ждал первый экзамен – сочинение, – вдруг услышала, как позади кто-то восхищённо произнёс: такой только по подиуму ходить! Нина невольно оглянулась. По лестнице медленно спускалась высокая, стройная, с водопадом вьющихся тёмных волос красавица. Как позже выяснилось, Софа перепутала аудитории и по ошибке поднялась парой этажей выше. А на сочинении они оказались за одним столом, и Нина даже исправила соседке какую-то ошибку.

После того экзамена они стали держаться вместе, а к концу вступительных почти подружились. С Софьей Нина впервые попала на пляж и впервые искупалась. Точнее, поплескалась у берега, с завистью наблюдая за новой подругой, бесстрашно заплывавшей за буйки. Ещё, для освежения мозгов, они, случалось, гуляли в парке. Пару раз Софа водила Нину пить пиво в какое-то модное заведение, после чего они присоединялись к расслабленно фланирующей вдоль моря толпе отдыхающих. И вот отсюда, с этого места на набережной Нина впервые увидела сиявший огнями во мраке южной ночи, словно выплывший из какого-то зарубежного фильма, многоэтажный теплоход. Совершенно нереальный, как и возможность поплавать на таком. Много лет спустя ей довелось попутешествовать на подобном лайнере – муж купил круиз по Средиземному морю с заходом в Геную, Палермо, Ибицу и Ниццу. Но ожидаемого удовольствия Нина не получила, её укачивало при малейшем волнении, и, го-

лодная, она могла лишь наблюдать, как другие, не подверженные морской болезни путешественники уплетали свои завтраки, обеды и ужины, у неё же каждый кусок норовил выскочить обратно. Но это было потом. А тогда – тогда для неё это было сказочно красивое и далёкое от её скромной жизни зрелище.

На большое жизненное плавание она в юности совсем не рассчитывала. Не мечтала стать ни хирургом, ни артисткой, ни, тем более, каким-то там инженером по холодильным установкам. А уж кем-то или чем-то руководить – такое и в голову не приходило. Она решила стать учительницей младших классов, да и мать считала, это именно то, что ей нужно. Еще втайне надеялась выйти замуж за какого-нибудь ялтинского парня, родить двоих детей и зажить спокойно и ровно, так, как жили её родители. Только не в украинских степях, а в прекрасном городе у моря. Такие вот, нехитрые и вполне исполнимые были мечты. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Первый облом – они с Софьей не прошли по конкурсу. Но Софа была местной, и у неё голова не болела о том, что делать в случае провала. К моменту поступления она уже работала пару лет в какой-то конторе, как сейчас бы сказали, на ресепшн, она даже и не увольнялась оттуда, а на время экзаменов взяла отпуск. Но что было делать Нине? Вернуться домой? Тоска там зелёная. Если днём в их степном городишке еще наблюдалось какое-то движение, то с заходом солнца он погружался в удручающую, захолустную тишину, изредка нарушаемую треском мотороллера или шумом случайной, запоздалой машины. Да ближе к полуночи громко лаяли собаки, возвещая о том, что народ расходится по домам после вечернего сеанса или субботних танцев в клубе.

Вот если бы остаться в Ялте, найти здесь какую-нибудь работу...

– Можно я у вас немного поживу? – набравшись храбрости, спросила она у Софы.

И добавила, что, конечно же, будет платить.

Мать Софы оказалась ей женщиной доброй. Когда Нина пару раз заходила к новой подруге, та всегда пыталась её накормить, расспрашивала о семье. Но Софа покачала головой – мама не согласится. Хотя дело было, конечно, не в маме. Это Софе Нинина просьба не пришлась по вкусу. Одно дело общаться за пределами дома и совсем другое – делить комнату. Свободной у них не имелось, большую занимала мать, ма-

ленькую – брат Игорь, а третья была территорией Софы, куда впускать кого-либо она явно не желала. Что и понятно, где гарантия, что Нина устроится на работу и сразу же отыщет новое жильё? Профессии-то никакой. Впрочем, когда поникшая Нина почти смирилась с тем, что придётся ехать домой, именно Софья нашла выход из положения.

– У Игоря есть приятель, он живёт у подружки, а его квартира пустует, – сказала. – Я попрошу Игоря с ним поговорить. На пару месяцев он тебя пустит, а там что-нибудь найдёшь.

Приятель обнаружился за барной стойкой небольшого ресторана. Красивый и, как ей тогда показалось, надменный парень в белейшей рубашке и галстук-бабочке. Кивнув Игорю и Софье, окинул Нину беглым взглядом. Потом принёс каждому по стакану какого-то коктейля и вернулся к обслуживанию клиентов. Народу в баре хватало, курортный сезон ещё не закончился. Нина сидела как на иголках. Не похоже, что такой согласится сдать ей комнату. Зачем ему? Он в деньгах вряд ли нуждается. Не пустит, лучше и не обольщаться. Вот она бы пустила в свою квартиру неизвестного ей человека? Конечно же, нет. То-то и оно.

Через полчаса, когда, устав от переживаний, она немного отвлеклась, рассматривая зал и посетителей, он снова возник рядом и сказал, что сегодня допоздна занят и комнату ей сможет показать только завтра. Значит, он согласен? Обалдевшая Нина едва верила своим ушам. Чуть не завопила: не надо показывать! Она согласна, пусть там даже вместо комнаты будет просто конура! Хотела сказать спасибо, но натолкнувшись на его взгляд, не смогла вымолвить и слова. Почувствовала, что краснеет. Как-то уж слишком пристально он её рассматривал, будто оценивал. На следующий день, когда она, уже без Софы, пришла посмотреть комнату и взять ключи, снова возникло то же чувство неловкости, хотя встретил он её дружелюбно, даже предложил чаю, от которого Нина отказалась, соврав, что торопится. В его присутствии чувствовала себя деревенской недотёпой и, от стеснения, боялась ляпнуть какую-нибудь глупость. Он был слишком красивым, и речь у него была красивой и правильной, без украинизмов и свойственного южанам «гэканья».

Роман помог устроиться на первую в её жизни работу. В его бар-ресторан требовалась посудомойка. Зарплата мизерная, сказал, но можно подрабатывать уборщицей в соседнем продуктовом магазине, там всего на час-два уборки. Предложение Нину поначалу шокировало. Еще вчера она считала себя почти

студенткой, а сегодня – нате вам, – посуду мыть и полы! Но выбора не было. То есть он был, конечно, – или домой, или в уборщицы. Но теперь, когда было где жить, домой ехать ещё меньше хотелось и она согласилась. По глупости не понимала тогда, какая это была удача, можно сказать, просто чудо, что её вообще брали на работу. У неё не было ни трудовой книжки, ни опыта, ни прописки. Приняли лишь потому, что он замолвил за неё словечко и даже временно, на шесть месяцев, прописал. Приди она с улицы, ну кто бы её взял?

Работа была малопрятная, да и люди вокруг не особо доброжелательные. А может быть, такими тогда казались. Никто не делал скидку на то, что она вчерашняя школьница, что ни опыта пока не нажила, ни ума. Короче, не церемонились. Только и слышала: давай, давай, поворачивайся! Или: ну что за растяпа! Не чувствовала она себя полноценным человеком там, где ей впервые выписали трудовую книжку. Которую, кстати сказать, она, навсегда покидая Ялту, так и не забрала.

– Милая ты моя!

Нина Алексеевна поднялась со стула и тут же утонула в мощных объятиях.

– Совсем, совсем не изменилась! – громогласно оповещала её, а заодно и всех посетителей кафе, высокая, толстая женщина в шёлковом платье-мешке.

– Так уж и не изменилась! Все мы меняемся, – пыталась высвободиться Нина Алексеевна, не терпевшая ни панибратского отношения к своей персоне, ни явной лести. – Я бы тебя на улице не узнала.

– Я сама себя не узнаю, когда в зеркало смотрю, – весело расхохоталась Софья, ничуть не обидевшись. – Ну, рассказывай, что это за конференция, которая вытащила тебя в наши края? – спросила, когда они уселись, наконец.

– Ну... это долго объяснять. Это связано с новыми технологиями.

О работе она Софе не писала. Кому интересны подробности производства холодильных камер? Если человек не в теме, то вряд ли что поймет. И о том, что она замдиректора предприятия, тоже не говорила. Сообщила лишь, что работает менеджером на небольшом заводе. Этим словом можно обозначить руководителя любого ранга.

– Ясно, Ялта хороша для деловых встреч, а отдыхать начальству положено где-нибудь в Испании.

– Почему обязательно в Испании? – вскинула брови Нина Алексеевна.

Она всё никак не могла совместить вид этой крупной бойкой женщины с образом тоненькой девочки, которую упорно подсовывала память. С той она бы наверняка нашла общий язык, эта же ей сразу не понравилась. К чему так громко кричать? Может быть, плохо слышит?

– Менеджерам по статусу положено ездить далеко и дорого! – последовал ответ. – Это у нас тут жизнь простая, весь отпуск проводишь на даче.

– Хотела бы я иметь собственную дачу. – Это была суцая правда.

– У тебя нет дачи? – не поверила Софья.

– Пока не заработала, – попыталась отшутиться Нина Алексеевна.

– А и не надо, ну её. Пустые хлопоты! Копаешься в земле, ни весны, ни лета не видишь, осенью закати, а потом весной половину добра выбрасываешь, никто есть не хочет. – Софья поискала глазами официанта. – Ты какое вино любишь?

– Да никакое, у меня от всякого давление поднимается. И потом, завтра утром доклад, голова должна быть свежей.

– Она и будет! – Софья не желала слышать никаких доводов. – От нашего крымского никакого давления, оно для здоровья полезное! Тем более, есть повод, не каждый день встречаемся!

Нина Алексеевна решила дальше не спорить, но и не пить. Так она не раз поступала в компании, пригубит и отставит.

– А что едим? – Софья погрузилась в изучение меню.

– Вообще-то предполагалось, что встреча пройдет за чашкой кофе, – шутливо напомнила Нина Алексеевна.

Но Софья решительно вознамерилась отобедать. Ладно, спорить с ней себе дороже. И лучше уж заполнить час их общения, жуя какую-нибудь курицу. Тем более, что и в самом деле, время обеда. Сделав заказ, Софа принялась рассказывать о своей жизни. Громко, сумбурно, с подробностями. Нина Алексеевна подавила вздох, снова пожалев, что необдуманно написала о своём приезде. Столько лет прошло с момента их давнего знакомства. Перед нею сидел совершенно чужой человек со своею чужой жизнью. Ну вот зачем ей знать, что муж Софьи, выйдя на пенсию, купил катер? Или вникать в семейную драму её дочери? Видимо, поняв, что гостя заскучала, Софья, пригубив вино, переменяла тему.

– А помнишь Романа?

– Еще бы!

В самом деле, как она могла его забыть?

В ту осень ей постоянно хотелось спать. Очень уставала с непривычки, целый день на ногах, в шумном помещении. И после работы отдохнуть не всегда получалось. Довольно часто, вечерами и по выходным, приходил Роман. Поначалу думала, что он проверяет, всё ли в порядке в его квартире, куда пустил пожить совершенно незнакомого человека, но потом, к своему облегчению, поняла, что она мало его интересуется. Являлся он чаще всего не один, а с какими-то парнями и женщинами, они что-то обсуждали, но о чём говорили за закрытыми дверями, она разобрать не могла. Являясь, он всегда включал в своей комнате стереосистему, а музыку Роман любил громкую.

А как-то, в тот редкий момент, когда не звучала музыка, она подслушала его разговор по телефону, он явно ссорился с кем-то, похоже, что со своей девчонкой. Ясно, подумала она, между ними там не всё гладко, вот он и укрывается время от времени в своей квартире. Впрочем, ночевать никогда не оставался.

Но вот, ближе к Новому году, он вдруг решил устроить вечеринку и попросил Нину помочь ему накрыть стол. Она согласилась, хотя и удивилась, почему не позвал для этого свою подружку. У неё давно было тайное желание посмотреть, что за девушка у такого красивого парня. И интересно, почему он никогда не приводит её в свою квартиру? Не было её и в тот раз. Он что-то там готовил на кухне, Нина носила в комнату тарелки, раскладывала салфетки, ножи и вилки на раздвинутом по такому случаю столе, украдкой рассматривая полки с дорогими собраниями сочинений, фотографии, стоящие впереди книг. Угол у окна занимала стереосистема, какой она никогда не видела, угол у двери – шкаф для одежды, на нём до потолка громоздились какие-то коробки. Над диваном висела рельефная картина, – итальянский дворец с фонтанами и виноградник на склоне горы. Пришли три пары, а Роман был один, сам по себе. Как и она. Когда расселись, он оказался рядом с ней. Как всегда, звучала музыка, а после ужина они танцевали. Верхний свет выключили, горели только маленькие лампочки в картине, освещая окна старинного палаццо. И уже далеко за полночь, когда гости ушли, они вместе убрали комнату. Тогда-то на кухне, у мойки, – она мыла посуду, – он её впервые поцеловал. И впервые остался ночевать дома.

С того вечера не стало ей покоя. Может ли она ему понравиться? Можно ли её считать симпатичной? В школе на неё никто особого внимания не обращал. Конечно, были какие-то свидания и походы в кино с Васькой из параллельного, но всё это было несерьёзно. А тут рядом вдруг оказался такой умный и взрослый парень, на целых десять лет старше, и всё с ним – по-настоящему.

Она почти не открывала теперь книг, но это почему-то не волновало. Волновало, придёт ли он вечером или сегодня не ждать? Глядя в тёмное окно, места себе не находила, подолгу не могла уснуть. Впервые в жизни узнала, какое это страшное чувство – ревность. Утешало лишь то, что практически целый день он был у неё на глазах, стоило только выйти в бар. Убирая столы, она могла в любой момент переброситься с ним словом. Могла, но делала вид, что они едва знакомы. И ни единым намеком не давала понять, насколько сильно он ей нравится. Ясно ведь, что та ночь была случайностью, в прямом смысле этого слова, ну, выпили, вот и случилось. По-настоящему у него было там – с другой, у которой он где-то там жил, вне поля её зрения и куда возвращался каждый вечер. А если она, Нина, начнёт приставать к нему со своими чувствами, он вполне может не только послать её подальше, но и выпереть из квартиры. И куда она пойдёт посреди зимы? Нет, влюблённость свою следовало свернуть в комочек и запрятать куда подальше. Это было трудно. Очень тяжело, очень. И поделиться этой тяжестью было не с кем. О том, что произошло, нельзя было рассказывать никому, даже Софе. И Софье в первую очередь было нельзя, потому что у неё длинный язык. Она обязательно проболтается дома, а там дойдёт и до Романа, ведь её брат с Романом дружит. И, конечно же, Игорь не может не знать и девушку Романа, значит, и она будет в курсе. И все они будут обсуждать и осуждать её, Нину... может быть, даже смеяться над нею, наивной дурочкой из глубинки, возомнившей, что такой парень, как Роман, может ею заинтересоваться.

– Жаль его, – сказала Софья, принимаясь за принесённый официантом бифштекс. – Всю жизнь с подносами пробегал, у барной стойки простоял, а мог бы дипломатом быть.

– С чего это вдруг? – удивилась Нина.

– Так он же институт иностранных языков окончил. Ты, что, не знала?

Измученная Нина Алексеевна покачала головой.

– Он не говорил. Почему же тогда в баре работал?

Софья ответила не сразу. Лишь прожевав кусок и сделав очередной глоток из бокала, объяснила:

– Перекрыли ему кислород. На последнем, что ли, курсе взяли в московской «Берёзке» с крупной суммой в валюте. Он её у иностранных студентов и туристов скупал. Потом покупал вещи в «Берёзке» и перепродавал. Фарцевал, короче, а тогда за такие дела статья была. Его, конечно, не посадили, но бумагу в институт отправили и накрылась его карьера. Он лучше всех на курсе учился, а красного диплома не получил, и распределили в какую-то дыру, а он-то рассчитывал на министерство иностранных дел. Из-за самоуверенности своей пострадал и из-за глупости, думал, что самый умный, всех вокруг пальца обведёт... Ох, а какой он был жадный на тряпки!

– Да, любил красивые вещи, – согласилась Нина Алексеевна.

Когда Роман окончательно переселился в свою квартиру, она долго не могла поверить, что это ради неё. Тем не менее, она стала считаться его девушкой в тех компаниях, где они бывали. А по гостям они ходили довольно часто.

После домашней жизни, где на первом месте были школа и библиотека, Нина очутилась вдруг среди людей, для которых книги просто не существовали. Работавшие в ресторане приятельницы Романа, официантки Витка и Римма, как и многие другие, из тех, с кем они общались, говорили лишь о том, кто и сколько «выколотил» за день, кто чего купил, кто как выглядит. Шмотки и деньги. Деньги и шмотки – всё только вокруг этого и крутилось. Вещами обменивались, ими торговали. Со знанием дела обсуждались какие-то фирмы, какие-то напитки и марки сигарет, о которых она никогда не слышала. Девчонки пили наравне с парнями, и курили не меньше. Как-то Нина тоже взяла в руки сигарету, но Роман тут же её отобрал, чем сильно обидел. Обращаться с нею, как с малолеткой на виду у всех!

– Ты, вот что, – глянула в её сторону рыжая повариха, когда Нина убирала грязную посуду с рабочего стола. – Ты на Ромку-то не вешайся, а то потом сильно жалеть будешь.

– Я не вешаюсь, – пробормотала Нина, которую в жар бросило от мысли, что о ней уже вовсю сплетничают.

– Он жену с малым дитём оставил, девок меняет каждый сезон, – неодобрительно покачала головой повариха. – С тобой тоже в любовь поиграет, да и бросит.

Слова Катерины были как нож в сердце. Нина и не знала, что Роман был женат и что у него есть ребёнок, он никогда ничего не рассказывал о своей прошлой жизни, а она не спрашивала. Ну, а рассказал бы, что бы это изменило? О будущем она старалась не думать. И о поступлении в училище тоже. Мать звонила каждую неделю, напоминала: май уже, скоро снова вступительные, занимаешься? Занимаюсь, врала она. Хотя книги и тетради давно пылью покрылись.

В их компании в ходу были всякие дурацкие розыгрыши, вспоминая о которых, они потом весело смеялись. И когда она услышала от него: а давай поженимся, что ли, первая мысль была – он точно её разыгрывает. Интересно ему, как она отреагирует. А давай, ответила, стараясь, чтобы это прозвучало как можно шутливее. Вот прямо завтра! Но взглянув на него, по напряжённому выражению его лица вдруг поняла, что он говорит серьёзно. И её просто затрясло от такого поворота событий. Она не до конца верила, что такое возможно, и потому даже Софье при встрече ничего не сказала. Да и Роман тоже не спешил никого оповещать о своём решении. Сначала заявление в загс подадим, сказал.

Взяв неделю за свой счет, Нина отправилась домой сообщить новость родителям. Ехала и всю дорогу нервничала – как объяснить им, почему Роман не явился вместе с ней? Вроде бы жениху полагается с родителями невесты познакомиться. Ладно, она скажет, что он много работает. А вот то, что свадьбы у них не будет и ей втайне не нравилось. Роман сказал, это пустая трата денег. Наверное, так и есть, меньше хлопот, большая экономия. «Как это – возмутился отец, – как это не будет свадьбы? Он, что, думает, у нас денег не найдётся? Дочь у меня единственная. Всё будет, как положено!» Она пыталась как-то растолковать, что тут дело не в деньгах, но кто и когда её слушал? «Там, в вашей Ялте, делайте что хотите, – отрезал отец, – а здесь мы всё сделаем, как у нас принято. По-человечески. Иначе люди не поймут». Мама поначалу вообще приняла новость в штыки. «Какое-такое замуж? Тебе учиться надо!» К этому аргументу Нина была готова. «А кто говорит, что я не буду учиться? Я летом опять буду подавать документы в педучилище». Мать зашла с другой стороны. Замуж в восемнадцать лет? Не погуляв даже, надевать семейный хомут? «Да не хочу я гулять, – рассердилась Нина. – Что значит, гулять? С кем? Мне Роман нравится».

Пробыла у родителей неделю. Из дому не так-то просто вырваться, особенно если полгода до этого не была. Опять же,

примерки. Мать, смирившись, потащила её к портнихе шить платье. «Ну не будет же свадьбы, – отбивалась Нина, – зачем деньги попусту тратить?» «Хорошо, – кивала мать, соглашаясь, – настоящей свадьбы не будет, но вечер для своих, в любом случае устроим. Сошьём скромное, чтобы и потом можно было куда-то надеть».

Через неделю Нина, гружёная домашними припасами, сошла с поезда в Симферополе и пересела на троллейбус. В городе было тепло и солнечно, но по мере приближения к горам над дорогою начал клочьями провисать туман, а на перевале троллейбус попал в плотное белое облако. Небо над Ялтой было затянуто тучами, и едва Нина вошла в подъезд, как слышались раскаты грома. Усталая, с тяжёлыми сумками, она поднималась на свой этаж, радуясь, что успела добраться до того, как начался дождь. Нажала кнопку звонка и прислушалась. За дверью было тихо. На работе, наверное, подумала, хотя, насколько ей было известно, у Романа по графику был выходной день. Порылась в сумке, отыскала ключи. Но открыть дверь не удавалось, ключ никак не хотел входить в замочную скважину. Вообще. В полном недоумении она вертела его в руках, снова попыталась открыть дверь, снова не получилось. Что-то было не так. Наклонившись, вдруг увидела, что замок совсем другой, новый замок. На площадке было сумрачно, потому не сразу это заметила. Что-то произошло со старым за время её отсутствия, раз Роман его поменял. Всего-то на неделю уехала и вот, пожалуйста... Она звонила ему пару раз от родителей, предупредить о своём приезде, но его, как назло, дома не было. Ладно, решила тогда, ничего страшного, сама доберётся. А надо было ещё звонить, надо было дозваниваться, тогда бы не попала в такой переплёт. Она решила оставить сумки у соседей и отправиться в ресторан. Не столько за ключом, сколько для того, чтобы поскорее увидеть Романа. Соскучилась.

Соседка непонимающе смотрела на Нину, а Нина на соседку.

– Как уехал? Куда? – повторяла ошеломлённо.

– Да разве ж он скажет? – фыркнула соседка. – Он тут уже года три живёт, ни разу к нам не зашёл, ни познакомиться толком, как полагается, по-соседски, ни поговорить. Вот и сейчас комнату сдал, а никому ни слова!

– Сдал комнату?

– Ну да, сдал и уехал.

– Это ошибка, – всё было как в дурном сне. – Потому что я... там ведь я живу.

– Не может быть! – изумилась в свою очередь соседка. – Я-то думала, ты с квартиры ушла, вот он и сдал. Вот стервец! – покачала головой. – Прежняя квартирантка ещё не съехала, а он по новой комнату сдаёт! Нет, ты только подумай... А жильцы новые хорошие, солидные. Врач с женой, они в санаторий устраиваются на работу. Сразу пришли познакомиться, мало ли, говорят, чего. И правильно, соседей нужно знать.

– Но как же... там же... мои вещи, – лепетала Нина.

– А, да, какие-то вещи у них в прихожей стоят, – закивала соседка. – Просили передать, мол, если кто спрашивать будет, сказать, что забрать их можно вечером. Нет, подумать только, тебя, по сути дела, из квартиры выкинул! – посмотрела с жалостью. – Ты денег ему, часом, не задолжала?

– Нет, – прошептала Нина, чувствуя, как начинают дрожать губы.

– Да ты зайди, – спохватилась соседка. – Посиди, подожди их здесь. Не бойся, люди они приличные, ничего из вещей не пропадёт, ну, если, конечно, он сам на что-нибудь не позарился. Вот ведь, гад какой, а?

– Нет, – пробормотала Нина. – Я пойду.

– Куда ты пойдёшь? Дождь. А чемоданы? Сиди, жди уж здесь.

– Мне на работу надо. За чемоданами я позже зайду. И за сумками. Можно же их у вас оставить?

Ничего не соображая, стала спускаться вниз по лестнице. На работу она, конечно, не пойдёт – страшно. Вдруг он действительно уволился, и всё это правда? Но это просто не может быть правдой! Здесь какое-то недоразумение. Надо у кого-то спросить, выяснить, что происходит. Но если не ехать на работу, то у кого? И тут она вспомнила о поварихе, к которой они недавно ходили на день рождения. Вот-вот, нужно съездить к ней. Всё обязательно разъяснится. А вдруг – сердце её бешено заколотилось от одной этой мысли, – вдруг он просто нашёл себе другую? Или помирился со своей старой девушкой, с этой Таней, которую она так ни разу и не видела? Перебрался к ней снова, а Нинину комнату сдал, чтобы все отношения с ней, с Ниной, разом прекратить? Ведь сдавал он её и раньше. И ей сдал в сентябре. Почти ничего не соображая, Нина вышла из подъезда. Катерина. Повариха. Она всегда в курсе всех новостей. Главное, не заплутать. Адреса Катерины она не знала, надея-

лась лишь на память. Угловой дом, зелёные ворота на улице Зелёной. Только бы Катерина дома оказалась.

Долго стояла под козырьком остановки, глядя на косые струи дождя, прежде чем села, наконец, в нужный троллейбус. Память не подвела. И, на счастье, повариха в этот день не работала, впустила её, насквозь промокшую, в дом.

– Да хрен с ним! – почти крикнула, когда Нинины слёзы и хлюпанье носом, в конце концов, вывели её из себя. – Да скатертью дорога такому счастью! Радоваться должна, что легко отделалась, не осталась с пузом. Говорила тебе, не связывайся.

Достав из холодильника маленькую бутылку и тарелку с колбасой, поставила на стол.

– Ты думаешь, одна у него была? Да он же как кот мартовский. Он же ненадёжный, ты, что, этого не понимала? – продолжала втолковывать повариха, наполняя маленький стаканчик водкой. – Уволился он. Это точно. А вот уехал или нет, не знаю. Пей! Промокла вся, ещё простудишься.

Нина послушно влила в себя содержимое стаканчика и закашлялась.

Катерина быстро подвинула к ней тарелку с кружочками колбасы.

– Закусывай. И не реви. Нечего по такому убиваться, он того не стоит. Такие в мужья не годятся. Да они и не женятся никогда, такие. Им бы только погулять. Кобель, одно слово.

Нине хотелось зажать уши и бежать. Зачем только она пришла сюда? Всё, что говорила повариха, было неправдой. Черноротая, злющая баба! Потому и живёт одна – кому такая нужна? Всех грязью поливает, у неё каждый мужик, если не кобель, то идиот.

Но Роман не такой. Он хороший, добрый. На Восьмое марта подарил ей дорогую мохеровую кофточку и денег за квартиру два месяца не брал. Невозможно даже представить, как она теперь будет без него...

Катерина снова наполнила стаканчик.

– Что делать-то думаешь?

– Не знаю.

Она и в самом деле, не знала, что ей теперь делать. Снова ехать домой? Стыдно. Там все знакомые и родичи уже в курсе, что она замуж собирается. Ждут приглашения на свадьбу. Засмеют, если она не сегодня-завтра назад явится. Невеста без места. Остаться здесь и продолжать ходить на работу? Это ещё труднее, чем поехать домой.

– Ладно, – напомнила о себе повариха. – Поживёшь пока у меня.

Нина подняла на неё изумлённые глаза. Вот тебе и злая баба!

– Чего смотришь? – удивилась Катерина. – Чего-то не того я сказала?

– Спасибо, тётя Катя. Я переночую, если можно, а завтра домой.

– Ну, смотри. Подумай. Дом хоть и небольшой, места хватит. И работу из-за такого паршивца я бы бросать не стала. Глядишь, место официантки освободится...

Крутили у них в ресторане одну песню, которая Нине очень нравилась. Ритмичная такая музыка. Одну фразу она даже запомнила и напевала время от времени: айл би вейтин ю ин занзибар... «О чём это?» – спросила как-то у Романа. «Да ни о чём. Я буду ждать тебя в Занзибаре». «И где этот Занзибар?» Он пожал плечами. «Вроде бы в Африке». Она бы и в Занзибар африканский отправилась вслед за ним. Но не позвал. Исчез.

Но ведь кто-то же должен знать, где его можно отыскать! А что если позвонить Римме? Или Витке? Звонить официанткам очень не хотелось, обе они Нину не жаловали, но телефонных номеров других знакомых Романа у неё не было. Да, Витка и Римма точно должны быть в курсе. Снова оказавшись на улице, Нина достала записную книжку и ринулась к телефону-автомату.

– Как это – исчез? Да я только вчера его видела, – сказала Римма, выслушав бестолковый рассказ о новом замке. – Перезвонить можешь? Я сейчас адрес его матери поищу.

Заполучив адрес, Нина минут через сорок уже стояла перед обшарпаной дверью квартиры в старом доме на Пушкинской. Звонка не было. С бьющимся сердцем она подняла руку и постучала. С той стороны послышалась какая-то возня, но открывать ей не спешили. Подождав с полминуты, она снова нерешительно постучала.

– Да иду я, иду. Кто там?

Не очень-то приятно переговариваться через дверь, но Нина решила идти до конца.

– Я ищу Романа.

Дверь, наконец, открылась. Полная пожилая женщина, щурясь, вглядывалась в её лицо.

– Извините, что побеспокоила. Я... – бормотала Нина, чувствуя себя побирушкой у чужих ворот. – Я квартиру снимала у

Романа, ездила к родителям, вернулась, а там чужие люди, – попыталась всё-таки объяснить. – Говорят, он уехал...

– Понятно, – усмехнулась женщина. – Уехал, значит. И адреса не оставил. Ну, так и мне он его не оставил. Опять черти его где-то носят! – почти выкрикнула вдруг. – Сколько сил отдала, чтобы его выучить! И всё зря! Зря!

Испуганная Нина сделала шаг назад. Шмыгнув носом, женщина помолчала, потом, тяжело вздохнув, снова подняла на Нину слезящиеся глаза.

– Ты его не ищи. С ним такое не первый раз. То во Владивосток он подается, то в Мурманск, то ещё куда. Ненадёжный он, – произнесла уже почти спокойно, – непутёвый. С виду только приличный, а так – шалопут, без царя в голове. В отца, отец у него такой же был, всё лёгких денег да красивой жизни искал. Сколько с ним жила, ни дня радости не видала. Этот такой же. Шалопут, – повторила, закрывая дверь.

– Шалопут, – сказала Нина Алексеевна.

Наверное, от того, что было ей в то время всего лишь семнадцать лет, эта история её сильно травмировала. Так сильно, что едва ли не все годы учебы она избегала парней. Попросту боялась их. Замуж вышла уже после окончания института, за своего бывшего преподавателя. Само собой, не по какой-то там любви. Муж старше на пятнадцать лет, серьёзный человек, доцент. Спокойный, надёжный. Никогда Нина Алексеевна о выборе своём не пожалела.

– Может, и шалопут, – кивнула Софа, соглашаясь. – Только тебя он любил.

От неожиданности Нина Алексеевна даже поперхнулась.

– Да уж, – пробормотала, откашлявшись. – Как там в поговорке? Любил волк кобылу, оставил хвост да гриву.

– Да нет, правда!

Два мужика за соседним столиком одновременно повернули головы в их сторону, и Софа, оглянувшись на них, убавила громкость.

– У него ж всегда девушки с понтами были, если не сказать больше, – продолжила тише. – И вдруг ты, вся из себя скромная, белая и пушистая. Он и прибалдел, сам говорил Игорю, мол, не думал, что такие ещё встречаются. А когда его чуть не повязали, как же он боялся, чтобы тебя это вдруг не зацепило!

– Что не зацепило? – не поняла Нина Алексеевна, отодвигая тарелку с недоеденной курицей.

– Ты же у него комнату снимала, значит, могла быть в курсе всех его делишек.

– Каких делишек?

– Только не говори мне, что ты не знала, чем он промышлял! – с упрёком произнесла Софья, вытирая рот салфеткой. – Попадись он снова на скупке валюты, как пить дать, упекли бы за решётку. К нему должны были с обыском прийти и загребли бы, если бы один клиент из органов, которого он постоянно долларами снабжал, не предупредил. Он в два счёта квартиру сдал, уволился, и на Север улетел. А перед отлётом, – тут Софа слегка подалась вперёд и перешла почти на шёпот, – перед отлётом к нам ночью заявился! Я уже спала, так они с Игорем меня разбудили, и Ромка меня лично попросил предупредить тебя, чтобы ты ничего никому, а лучше, чтобы тоже уехала и вообще нигде не высывалась. Но я тебя тогда разыскать не смогла. Специально в ресторан ходила, только там о тебе никто ничего не знал.

– Я уехала.

– Ну, я так и подумала. Хотела тебе домой написать, да адреса не было.

Переночевав у Катерины, Нина поднялась с рассветом и отправилась на переговорный сказать матери, что они с Романом рассорились и что она не может оставаться в Ялте. Подготовить хотела к своему возвращению. Думала, будет неприятный разговор и упреки последуют, но мать новость восприняла на удивление спокойно, не ругала её, а в конце разговора неожиданно предложила ехать не домой, а к тётке Клаве в Киев. «Я ей позвоню», сказала. Тётя Клава была старшей сестрой матери. Детей у неё не было, может быть поэтому она очень Нину любила. Поехать к ней – лучшего выхода и придумать было нельзя.

Тётя Клава и посоветовала поступать в институт пищевой промышленности, он рядом был, через две улицы. Удобно, каким транспортом пользоваться не придётся. Нина нашла институт, записалась на подготовительные курсы и пол-лета не вылезала из библиотеки. Документы подала на механический факультет, на который в тот год почти не было конкурса. Осенью стала студенткой и начала изучать холодильные машины и установки.

– Он и потом, в город вернулся, о тебе расспрашивал, интересовался твоей жизнью. Только что я могла рассказать? –

Софья пожала плечами. – Могла хотя бы мне адрес оставить, – добавила с упрёком.

– Так получилось, – Нине Алексеевне не хотелось вдаваться в подробности. – А где Роман сейчас? – поинтересовалась, чтобы перевести разговор.

– Да где ему быть? Тут и живёт. Всё в той же квартире. Давно его, правда, не видела, но по слухам, совсем с рельсов сошёл. Спился.

Расплатившись, они вышли на набережную.

– Неужели ты и вправду ни разу не приезжала сюда все эти годы? – спросила Софья, глядя на море. – Тебе же так Ялта нравилась.

– Не получалось как-то. А ты в Киеве часто бываешь?

– Да нет. Что мне там делать? – искренне удивилась Софья. – Я вообще не люблю ездить, да и дома дел всегда по горло.

– Ну вот и у меня примерно также, – улыбнулась Нина Алексеевна. – Но если вдруг там окажешься... – она вытащила из сумочки визитку.

– А может быть, ты к нам вечером всё-таки заглянешь? Или завтра? Ну, как освободишься? – она взглянула на визитку. – Созвонимся?

Нина Алексеевна покачала головой – вряд ли получится. Очень плотное расписание. Да и не было у неё желания идти в гости. Так что они, – во всяком случае, в этот приезд, – уже не увидятся.

– Ладно, пока!

Софа исчезла, а Нина Алексеевна медленным шагом вышла к Киевской и отправилась вверх по улице. Смотрела по сторонам, пытаясь припомнить, как всё вокруг выглядело тогда, когда она ходила по этой дороге восемнадцатилетней девочкой. Не очень-то получалось. Или город за эти годы очень переменялся или память у неё ухудшилась. Неудивительно, что, когда она попала, наконец, в нужный район, то и знакомый дом не сразу узнала, он буквально утонул в купе разросшихся деревьев. В столице такие «хрущёвки» давно уже разбирают, – отслужили своё, – а здесь в них по-прежнему живут. Возможно, и она жила бы до сих пор, выйди тогда замуж за Романа.

Нина Алексеевна постояла некоторое время посреди двора, роясь в сумочке, делая вид, будто что-то ищет, и взглядывая одновременно на окна третьего этажа. Ей показалось, что кто-то стоит там, в квартире, у окна той самой комнаты, в которой

она когда-то так недолго жила, так недолго любила. Наверное, единственный раз в жизни. Медленно прошла мимо подъезда, закрытого новой железной дверью с кодовым замком.

Там, за стеклами, ей почудилось какое-то движение. Может быть, это было лишь отражение пролетевшей мимо окон стайки воробьёв. А может быть, – она слабо улыбнулась своей абсурдной мысли, – может быть, это она сама, в какой-нибудь параллельной реальности, мелькает там, убирает или готовит что-нибудь на ужин.

Увидев скамейку, присела и тут только ощутила сильную усталость. Ноги гудели. Рано поднялась, весь день в движении, и вот ведь, вместо того, чтобы как следует отдохнуть, пошла искать этот двор. Спрашивается, зачем? На скамейке у чужого подъезда посидеть? Глупо, глупо всё это. И так непохоже на неё сегодняшнюю... В самом деле, что она тут делает? Ей захотелось побыстрее оказаться в гостиничном номере. Прикрыла глаза, прислушалась к себе. Нет, ничего не шевельнулось, ничего не откликнулось. Что было, то прошло. Попросту исчезло. В памяти, конечно, остались какие-то следы той первой, нескладной её любви, но вот в душе – пусто. Ни-че-го.

Ещё раз оглянувшись на окна, за которыми мелькали тени прошлого, Нина Алексеевна встала и, развернувшись, пошла обратно, в гостиницу.

Оставляй прошлое прошлому, сказал какой-то китайский мудрец.